Проблемы толкования Конвенции ООН о правах инвалидов: правосубъектность лиц с психическими расстройствами

ЖАВОРОНКОВ Роман Николаевич, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

E-mail: javoronkov@mail.ru

В марте 2018 г. Комитет ООН по правам инвалидов принял Заключительные замечания по первоначальному докладу Российской Федерации о ходе выполнения Конвенции ООН о правах инвалидов, в которых рекомендовано изменить российское законодательство, касающееся дееспособности лиц с психическими расстройствами, в целях его приведения в соответствие с указанной Конвенцией.

Целью исследования является попытка выработать объективное толкование ст. 12 Конвенции ООН о правах инвалидов, посвященной правосубъектности инвалидов (включая инвалидов с психическими расстройствами). Для этого решены следующие задачи: проведен анализ подготовленного Комитетом по правам инвалидов документа «Замечание общего порядка № 1 (2014). Статья 12 “Равенство перед законом”»; осуществлена оценка данного документа с позиций российской правовой науки; выработано толкование ст. 12 исходя из рассмотрения Конвенции о правах инвалидов как универсального международного договора.

Методы исследования: диалектический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и др.

Анализ Замечания общего порядка № 1 показал, что система правового регулирования правосубъектности лиц с психическими расстройствами, которую рекомендует России Комитет по правам инвалидов, кардинально отличается от отечественных подходов к правовому регулированию данных вопросов, не является хорошо апробированной и вызывает много вопросов с точки зрения реалистичности ее применения. В связи с этим ст. 12 толкуется исходя из того, что положения Конвенции допускают разные способы их реализации в зависимости от сложившейся в конкретной стране правовой системы.

Ключевые слова: правоспособность, дееспособность, лицо с психическими расстройствами, инвалид, Конвенция о правах инвалидов.

Issues of Interpretation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Legal Capacity of Persons with Mental Disorders

R. N. ZHAVORONKOV, professor at the Department of labor law and social security law of the Kutafin Moscow State Law University, doctor of legal sciences

9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, Russia, 125993

E-mail: javoronkov@mail.ru

In March, 2018 the UN Committee on the Rights of Persons with Disabilities has accepted Concluding Observations to the previous Report of the Russian Federation on the status of implementation of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities. These Concluding Observations recommend changing the Russian legislation concerning legal capacity of persons with mental disorders for its compliance with the Convention.

The aim of the study is to develop an objective interpretation of article 12 of the UN Convention on the rights of persons with disabilities on the legal capacity of persons with disabilities (including persons with mental disorders). So, the following tasks have been solved: the analysis of the document

prepared by the Committee on the rights of persons with disabilities «General Comment No. 1 (2014). Article 12 “Equality before the law”»; mentioned document was assessed from the point of view of the Russian legal science; the interpretation of article 12 was developed on the basis of the consideration of the Convention on the rights of persons with disabilities as a universal international treaty.

Research methods: dialectical, logical, formal legal, comparative legal, etc.

Analysis of General Comment No. 1 showed that the system of legal regulation of the legal personality of persons with mental disorders, which is recommended by the Committee on the rights of persons with disabilities in Russia, is fundamentally different from domestic approaches to the legal regulation of these issues, is not well tested and raises many questions in terms of the realism of its application. In this regard, article 12 is interpreted on the basis that the provisions of the Convention allow for different ways of their implementation, depending on the legal system that has developed in a particular country.

Keywords: legal capacity, legal personality, person with mental disorders, disabled person, Convention on the rights of persons with disabilities.

DOI: 10.12737/art_2019_4_11

В 2012 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов 2006 г.¹ (далее — Конвенция). Вопросы соблюдения прав инвалидов при определении их правосубъектности регулирует ст. 12 «Равенство перед законом» Конвенции.

В марте 2018 г. Комитет ООН по правам инвалидов принял Заключение по первоначальному докладу Российской Федерации о ходе выполнения Конвенции о правах инвалидов². Относительно реализации ст. 12 Конвенции в п. 26 и 27 указанного документа Комитет отметил, что Гражданский кодекс РФ и Гражданский процессуальный кодекс РФ не соответствуют Конвенции, поскольку их нормы отражают концепцию субститутивного принятия решений и не предусматривают механизмов суппортивного принятия решений для инвалидов. Комитет рекомендует ввести концепцию суппортивного принятия решений, а также признать полную дееспособность за всеми лицами с любым типом инвалидности.

Корректное понимание Заключение замечаний возможно только с учетом содержания при-

нятого Комитетом по правам инвалидов документа «Замечание общего порядка № 1 (2014). Статья 12 “Равенство перед законом”»³ (далее — Замечание) и его оценки с позиций российской правовой науки.

Для правильного понимания Замечания необходимо определить значение термина «правоспособность», используемого в тексте ст. 12 Конвенции. В английском тексте Конвенции в качестве аналога слова «правоспособность» используется термин “legal capacity”.

В юридическом словаре “Random House Webster’s Dictionary of the Law” дается следующее определение: «Capacity также называется legal capacity — юридическая способность или квалификация осуществлять действия, имеющие правовые последствия, такие как заключение контракта, составление завещания, участие в судебном процессе в качестве истца или ответчика, совершение преступления или вступление в брак»⁴.

В юридическом словаре “Black’s Law Dictionary” указано: «Правовая квалификация, такая как установленный правом возраст, определяет

¹ См. Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ.

² URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/handicapped/272> (дата обращения: 05.10.2018).

³ General Comment No. 1 (2014). Article 12: Equal recognition before the law. URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRPD/Pages/GC.aspx> (дата обращения: 05.10.2018).

⁴ James E. Clapp. Random House Webster’s Dictionary of the Law. New York, 2000. P. 69.

возможность человека участвовать в судебном процессе в качестве истца или ответчика, заключать контракт, налагающий на него обязательства, и тому подобное»⁵.

Обратим внимание, что определение термина “legal capacity” не совпадает с определением термина «правоспособность», которое содержится в российском праве. Согласно ст. 17 ГК РФ правоспособность — это способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности. Определение термина “legal capacity” больше соответствует содержанию понятия «дееспособность».

В отечественных англо-русских юридических словарях термин “legal capacity” переводится как «правоспособность и дееспособность»⁶, что наиболее правильно передает смысл данного термина. Исходя из указанного смысла в Замечании дается толкование ст. 12 Конвенции.

В Замечании содержится описание системы правового регулирования, не известной российскому праву.

Согласно п. 13 и 14 Замечания правоспособность означает способность обладать правами и обязанностями (правовой статус) и осуществлять эти права и обязанности (дееспособность). Если применять российскую терминологию, то речь идет не о правоспособности, а о правосубъектности, включающей правоспособность и дееспособность. Согласно п. 14 «правоспособность является неотъемлемым правом, предоставляемым всем людям, включая инвалидов. Для реализации этого права должны быть признаны оба компонента правоспособности; они неразделимы».

⁵ Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary. 7th ed. West Group, 1999. P. 199.

⁶ См.: Мамулин А. С., Кашкин С. Англо-русский полный юридический словарь. М., 2005. С. 117; Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Нукифоров. М., 2005. С. 75.

Согласно п. 32 «для достижения равного признания перед законом лица не должны дискриминационным образом лишаться правоспособности. Статья 5 Конвенции гарантирует равенство всех лиц перед законом и по нему и право на равную защиту закона. Она однозначно запрещает любую дискриминацию по признаку инвалидности. Лишение правоспособности, целью или результатом которого является посягательство на право инвалидов на равенство перед законом, является нарушением ст. 5 и 12 Конвенции. Государства способны ограничить правоспособность лица при наличии определенных обстоятельств, таких как банкротство или уголовный приговор».

В пункте 13 проводится различие между правоспособностью и психической дееспособностью: «Психическая дееспособность означает навыки лица принимать решения, которые, естественно, у всех людей неодинаковы и могут варьироваться в зависимости от многих факторов, включая окружение и социальные факторы, даже применительно к одному и тому же лицу. Однако статья 12 Конвенции однозначно подразумевает, что “слабоумие” и другие дискриминационные посылки не служат законными причинами отказа в правоспособности (правовом статусе и дееспособности). Согласно ст. 12 Конвенции предполагаемые или фактические ограничения психической дееспособности не должны использоваться в качестве основания для лишения правоспособности».

Исходя из вышеизложенного, в п. 15 указывается на недопустимость функционального подхода к ограничению правоспособности: «Функциональный подход ориентирован на оценку психической дееспособности и, соответственно, отказ в правоспособности. Он часто строится на анализе того, может ли отдельное лицо понять природу и последствия того или иного решения и (или) мо-

жет он или она использовать или взвесить соответствующую информацию. Данный подход порочен по двум ключевым причинам: а) он дискриминационно применяется к инвалидам; и б) он предполагает возможность точной оценки внутренних механизмов работы человеческого ума и, когда лицо не проходит оценку, влечет за собой лишение его или ее основополагающего права человека — права на равное признание перед законом. При этом подходе инвалидность и (или) навыки принятия решений лица принимаются в качестве законного основания для лишения его правоспособности или понижения его статуса правосубъектности. Статья 12 не допускает такого дискриминационного лишения правоспособности и требует, скорее, предоставления поддержки при реализации правоспособности».

В пункте 17 отмечено: «“Поддержка” является широким понятием, включая как неформальные, так и формальные механизмы поддержки различных видов и объема. Например, инвалиды могут выбрать одного или более доверенных помощников для оказания им помощи при реализации их правоспособности в ходе принятия определенных видов решений, или они могут прибегнуть к другим видам поддержки, таким как поддержка со стороны “себе равных”, защита (включая поддержку в виде самозащиты) или помощь в общении».

При описании способов поддержки в Замечании противопоставляются режим субститутивного принятия решений и суппортивная модель принятия решений.

Согласно п. 27 «режим субститутивного принятия решений может иметь различные формы, включая полную опеку, лишение дееспособности по решению суда и частичную опеку. Этим режимам присущи определенные общие черты: их можно охарактеризовать как системы, в которых i) лицо лишается дееспособности, даже если это про-

исходит для принятия единичного решения; ii) представитель, ответственный за субститутивное принятие решений, может быть назначен кем-либо другим, а не заинтересованным лицом, и это может быть совершено против воли последнего; и iii) любое решение представителя, ответственного за субститутивное принятие решений, основано на том, что, как считается, объективно отвечает “высшим интересам” заинтересованного лица, в отличие от решения, принятого на основании личной воли и предпочтений данного лица».

Описание суппортивной модели принятия решений дано в п. 29: «Все формы поддержки при реализации правоспособности должны основываться на воле и предпочтении лица, а не на предположениях о том, что может объективно отвечать его или ее высшим интересам. Подобная поддержка должна быть доступна всем инвалидам, независимо от оценки их психической дееспособности, требуемого уровня поддержки и возможности данного лица общаться. Помощник или помощники, формально выбранные лицом, должны быть юридически признаны. Государством должна быть обеспечена возможность выбора таких помощников изолированным лицам, которые могут не иметь доступа к естественно возникающим отношениям взаимопомощи в рамках сообщества. Следует установить механизм, позволяющий третьим сторонам оспаривать решение помощника, если они считают, что помощник действует не на основе воли и предпочтений заинтересованного лица. Лицо должно иметь право отказаться от поддержки, а также в любое время прекратить ее получение или изменить вид взаимодействия в области поддержки. Государство должно обеспечить доступ инвалидов к поддержке по номинальной цене или бесплатно. Поддержка при принятии решений не должна использоваться как основание для ограничения других фунда-

ментальных прав инвалидов, в особенности права голосовать, права вступать в брак, или создавать гражданское партнерство, и создавать семью, репродуктивных прав, родительских прав, права давать согласие на интимные отношения и лечение, а также права на свободу».

В соответствии с п. 45 ключевым элементом суппортивной модели принятия решений являются социальные сети и естественно возникающие формы общественной поддержки (в том числе друзья, семья и школа) инвалидов.

Согласно п. 21 в случаях, когда после приложения значительных усилий все же оказывается практически невозможным установить волю и предпочтения отдельного лица, вместо установлений, касающихся «высших интересов», следует применять «наилучшее толкование воли и предпочтений».

В пункте 22 указывается на опасность неуместного влияния, которое характеризуется как «имеющее место тогда, когда практика общения между лицом, оказывающим поддержку, и лицом, получающим поддержку, обнаруживает такие признаки, как страх, агрессия, угроза, введение в заблуждение или манипулирование. Гарантии реализации правоспособности должны включать защиту от неуместного влияния; вместе с тем меры защиты должны предполагать уважение прав, воли и предпочтений конкретного лица, в том числе право брать на себя риск и совершать ошибки».

Способность лица принимать решения не может служить основанием для исключения инвалидов из процесса реализации их политических прав, в том числе права голосовать, права выдвигать свою кандидатуру на выборах и права быть членом суда присяжных (п. 48). Исходя из этого, Комитет рекомендует государствам гарантировать право инвалидов выдвигать свою кандидатуру на выборах, фактически занимать должность и выполнять все

публичные функции на всех уровнях государственного управления при разумном приспособлении и поддержке, где это желательно, в процессе реализации их правоспособности (п. 49).

Согласно п. 26 государство обязано заменить режим субститутивного принятия решений суппортивной моделью принятия решений. В пункте 28 указано: «Выполнение данной обязанности требует как отмены режима субститутивного принятия решения, так и разработки альтернативных суппортивных моделей принятия решений. Для соблюдения статьи 12 Конвенции недостаточно разрабатывать суппортивные модели принятия решений и при этом сохранять режимы субститутивного принятия решений».

Анализируя содержание Замечания, отметим, что центральным звеном в рассматриваемой системе правового регулирования является институт поддержки при принятии решения лицом, имеющим ограничения психической дееспособности. Если данный институт не будет обеспечивать надежную защиту прав и законных интересов как самого лица с психическими расстройствами, так и остальных лиц, то вся предлагаемая система не имеет никакого смысла.

Реализация на практике рассматриваемого подхода вызывает много серьезных вопросов. Так, лицо с психическим расстройством должно иметь право выбрать помощника, изменить взаимодействие с ним и отказаться от его помощи. Однако в какой степени данные действия может осуществить лицо, признанное недееспособным (т. е. неспособным понимать значение своих действий или руководить ими)? Могут ли указанные действия данного лица влечь юридически значимые последствия?

Помощник должен оказывать помощь исходя из воли и предпочтений лица. При этом надо понимать, что желания лица могут быть реализованы, если: данные желания

внятно сформулированы; реализация этих желаний не противоречит нормам права и общественной морали; лицо имеет материальные, социальные и иные возможности их осуществить.

Поэтому для формулирования реализуемых желаний необходимо иметь определенный уровень интеллектуального развития и социализации. В связи с этим возникает вопрос: какими действиями и в какой степени помощник должен компенсировать недостаток указанных качеств, например, у лица, имеющего глубокую умственную отсталость или постоянно находящегося в бредовом состоянии? Если помощник будет принимать решения за этого лица, то в чем его принципиальное отличие от опекуна, который согласно ст. 29 ГК РФ должен совершать сделки с учетом мнения недееспособного лица, а при невозможности установления его мнения — с учетом информации о его предпочтениях?

Помогая принимать решения, помощник не должен оказывать неуместное влияние (угрожать, вводить в заблуждение, манипулировать). При этом в Замечании говорится об общинных формах поддержки — семья, друзья. Однако, на наш взгляд, очень сложно обеспечить отсутствие неуместного влияния (особенно в виде манипулирования) со стороны членов семьи и друзей. Представляется, что выяснение и реализация предпочтений лица с тяжелыми психическими расстройствами без манипулирования им — это очень сложная работа, которой могут заниматься только специалисты (психологи, дефектологи, и т. д.), имеющие соответствующую профессиональную подготовку.

В Замечании указано, что лицо, страдающее психическим расстройством, должно иметь право брать на себя риск и совершать ошибки. Однако должна ли быть установлена граница реализации данного права? Существует общеустанов-

ленное правило: лицо может реализовывать свои права только в той степени, в которой это не нарушает права других лиц. Но это правило не защищает лицо от нанесения вреда самому себе. И в связи с этим надо учитывать, что когда дееспособное лицо наносит себе подобный вред, то оно осознает (или должно осознавать) последствия своих действий. Недееспособное же лицо подобные последствия может не осознавать.

Одной из наиболее важных характеристик дееспособности является ее связь с деликтоспособностью. Полной дееспособности соответствует полная деликтоспособность. Как должны решаться вопросы юридической ответственности в тех случаях, когда формально дееспособному лицу оказывается помощь в принятии решений, о которой говорится в Замечании? Должна ли ответственность возлагаться только на лицо с психическими расстройствами или помощник должен нести данную ответственность совместно с ним? Насколько справедливо возлагать ответственность (пусть даже частичную) на человека, который хоть и имеет определенные желания, но по объективным причинам не до конца понимает последствия принятых решений?

Рассматриваемое Замечание не дает ответов на перечисленные вопросы. С точки зрения российской теории и практического опыта правового регулирования рассматриваемых отношений можно сказать, что решить данные вопросы без ущерба прав и интересов лиц с психическими расстройствами невозможно.

В Замечании выдвинут тезис, что действие в высших интересах лица противоречит его воле и предпочтениям. На наш взгляд, здесь имеет место неправильное понимание категории «высшие интересы». Действовать в высших интересах означает действовать с учетом предпочтений лица, однако в той степени, в которой это не наносит вред самому лицу и другим лицам. Как указыва-

лось выше, подобный подход закреплен в ст. 29 ГК РФ.

Вызывает возражение тезис о необходимости предоставить недееспособным право вступать в брак. Российское законодательство запрещает недееспособным вступать в брак⁷. Также не предусмотрена возможность заключать брак опекуном от имени недееспособного. Это прежде всего связано с тем, что после заключения брака у супругов возникают личные и имущественные обязанности по отношению друг к другу. Опекун не может приобрести своими действиями для недееспособного лица обязанности, которые тот должен исполнять лично.

Российская правовая доктрина исходит из того, что недееспособное лицо не может сознательно выразить свою волю при вступлении в брак. Также недееспособный не способен своими действиями приобретать для себя права и обязанности в сфере брака. Запрет вступать в брак преследует цель защиты недееспособного от корыстных действий других лиц, которые могут, например, заключить брак формально для получения наследства⁸. Как отмечает И. А. Косарева, в современный период практически всеми мировыми правовыми порядками недействительным признается брак, заключенный при недееспособности одного из супругов⁹.

Мы разделяем указанную позицию. Брак — это не просто совместное проживание. Вступление в брак порождает сложный комплекс имущественных и личных неимущественных отношений, трансформирующихся во взаимные права и

обязанности супругов по отношению друг к другу и их детям. Лицо, давая личное осознанное согласие на вступление в брак, должно полностью понимать все последствия данного шага. Представляется, что недееспособное лицо такой возможностью не обладает. Вместе с тем отметим, что российское законодательство не запрещает сожительство лиц, не зарегистрировавших брак. Поэтому с юридической точки зрения нет препятствий для проживания недееспособного лица при его добровольном согласии с другим лицом в «гражданском браке». Исходя из смысла ст. 29 ГК РФ опекун не должен препятствовать этому.

Невозможно согласиться с тезисом о том, что недееспособным должно быть предоставлено право участвовать в выборах. Смысл демократических выборов состоит в том, чтобы каждый гражданин, участвующий в голосовании, самостоятельно принимал решение. В связи с этим в процессе реализации активного избирательного права не допускается оказание какой-либо помощи в понимании значения своих действий и принятии решений. Поэтому даже при введении системы правового регулирования, описанной в Замечании, факт оказания помощи лицу в реализации его дееспособности является обстоятельством, исключающим возможность данного лица реализовать активное избирательное право.

Сторонники предоставления недееспособным права голосовать указывают, что российское законодательство не требует какого-либо минимального уровня понимания политических вопросов от людей, которые официально не признаны недееспособными, в качестве предварительного условия для участия в выборах¹⁰. Однако это не так. За-

⁷ См. ст. 14 Семейного кодекса РФ.

⁸ См.: Шепель Т. В., Ткаченко Т. В. Участие граждан, признанных недееспособными вследствие психического расстройства, в брачных правоотношениях // Власть закона. 2016. № 4. С. 59—60.

⁹ См.: Косарева И. А. К вопросу о недействительных браках // Право и политика. 2010. № 5. С. 934—943.

¹⁰ См.: Analysis of the Russian Legal Capacity System for Persons with Mental Disabilities: Towards Implementation of Article 12 of the UN CRPD // Mental Disability

кон содержит два условия возникновения права голосовать — достижение возраста 18 лет и наличие полной дееспособности¹¹. При этом определяющим является возраст, поскольку даже если лицо будет признано полностью дееспособным раньше 18 лет в результате эмансипации, оно все равно не приобретет право голосовать. Это связано с тем, что именно при достижении возраста 18 лет гражданин способен осознавать процессы управления государством¹². Таким образом, возраст 18 лет и полная дееспособность являются теми условиями, при которых лицо должно быть способно, хотя бы на минимальном уровне, самостоятельно разбираться в политических вопросах.

Необоснованным с научной точки зрения представляется наделение недееспособных лиц правом избираться на государственные должности и правом быть членом суда присяжных. В соответствии с Трудовым кодексом РФ недееспособные лица могут заниматься трудовой деятельностью¹³. Однако для занятия определенными видами деятельности необходимо обладать

соответствующими деловыми качествами — квалификацией, опытом работы, соответствующим состоянием здоровья. Кроме того, трудовую функцию лицо должно выполнять лично. Человек, не способный понимать значения своих действий, не имеет то состояние психики, при котором он может лично выполнять функции по управлению государством. Поскольку указанные функции должны выполняться лицом самостоятельно, исключается оказание ему посторонней помощи для понимания значения своих действий и принятия решений. Вследствие этого российское законодательство запрещает избирать недееспособных лиц на государственные должности и в члены суда присяжных¹⁴.

Рассматривая перспективы введения суппортивной модели принятия решений, следует обратить внимание, что, как указано в п. 53 доклада Специального докладчика ООН по правам инвалидов 2018 г.¹⁵, после принятия Конвенции в нескольких странах (например, в Австралии, Венгрии, Канаде) были запущены пилотные проекты по внедрению данной модели. Таким образом, реализация указанной модели, по сути, осуществляется в экспериментальном режиме. Окончательные результаты данного эксперимента пока не известны. Информации об

Advocacy Center. URL: <http://www.mdac.info/en/resources/analysis-russian-legal-capacity-system-persons-mental-disabilities-towards-implementation> (дата обращения: 20.10.2018).

¹¹ См. федеральные законы от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 4); от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (ст. 3); от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 4).

¹² См.: Шодонова М. Э., Лозовская С. В. Реализация избирательного права гражданином, ограниченным в дееспособности // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5. С. 37—39.

¹³ См. определение ВС РФ от 23 апреля 2010 г. № 13-В10-2.

¹⁴ См. федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 4); «О выборах Президента Российской Федерации» (ст. 3); «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст. 4); от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (ст. 4).

¹⁵ См.: Report of the Special Rapporteur on the rights of persons with disabilities (theme: legal capacity reform and supported decision-making). URL: <http://www.ohchr.org/EN/Issues/Disability/SRDisabilities/Pages/Reports.aspx> (дата обращения: 15.10.2018).

объективном анализе данного процесса в широком доступе нет. Между тем не следует забывать, что правовое регулирование дееспособности затрагивает существенную сферу реализации имущественных и неимущественных прав личности. Поэтому ошибки в правовом регулировании данных вопросов будут иметь крайне негативные последствия.

На наш взгляд, поскольку Конвенция о правах инвалидов является универсальным международным договором, ее положения должны допускать разные способы их реализации в зависимости от правовой системы, которая сложилась в конкретной стране. В связи с этим недопустимо навязывание всем странам какой-то одной схемы реализации положений Конвенции, особенно если эта схема до конца не апробирована. В свете данного тезиса возникает необходимость иного толкования положений ст. 12.

В пункте 2 ст. 12 Конвенции указано, что инвалиды обладают правоспособностью наравне с другими во всех аспектах жизни. Выше уже говорилось, что под правоспособностью, по сути, понимается правосубъектность. Смысл указанного пункта, на наш взгляд, в первую очередь заключается в том, что правосубъектность лица не может быть как-либо ограничена на основании наличия у него инвалидности. Однако она может быть ограничена по иным критериям, применяемым в равной степени как к инвалидам, так и к остальным людям. В этом заключается одно из проявлений равенства инвалидов с другими людьми. Применительно к России данный подход означает соответствие Конвенции существования равной для всех лиц правоспособности, трех разновидностей дееспособности¹⁶ и двух разновидностей огра-

ничения дееспособности¹⁷. При этом основанием ограничения дееспособности является не инвалидность, которая устанавливается медико-социальной экспертизой, а наличие психического расстройства (устанавливается психиатрами) и отсутствие способности понимать значения своих действий или руководить ими, либо способность делать это при помощи других лиц (устанавливается судом).

В пункте 3 ст. 12 указывается, что государства принимают надлежащие меры для предоставления инвалидам доступа к поддержке, которая им может потребоваться при реализации своей правоспособности. Однако в тексте Конвенции не конкретизируется, каким способом данная поддержка может оказываться. Исходя из этого, существование института опеки и попечительства не противоречит Конвенции. Опекун оказывает инвалиду поддержку, совершая от его лица юридически значимые действия (ст. 29 ГК РФ). Помощь попечителя заключается в даче согласия на совершение определенных сделок (ст. 30 ГК РФ) и удержании, таким образом, лица от непродуманных действий.

Ряд важных положений содержится в п. 4 ст. 12, в котором указано, что меры, связанные с реализацией правоспособности, должны быть соразмерны обстоятельствам лица и подстроены под них. Этому соответствует режим как полного, так и частичного ограничения дееспособности. При этом введенное в

ГК РФ); частичная дееспособность малолетних в возрасте от 6 до 14 лет (ст. 28 ГК РФ).

¹⁷ Признание недееспособным гражданина, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими (ст. 29 ГК РФ); ограничение дееспособности гражданина, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц (ст. 30 ГК РФ).

¹⁶ Полная дееспособность лица, наступающая по общему правилу в 18 лет (ст. 21 ГК РФ); частичная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26

2012 г.¹⁸ частичное ограничение дееспособности вследствие психического расстройства было научно обосновано советскими и российскими учеными¹⁹. Согласно тому же пункту меры по реализации правоспособности должны быть ориентированы на уважение прав, воли и предпочтений лица. Реализация этих положений в российском законодательстве находит выражение в том, что ограниченно дееспособный обладает свободой реализации своей воли практически во всех сферах правового регулирования, за исключением гражданских отношений, где на совершение определенных сделок требуется согласие попечителя. Недееспособный наделяется рядом прав в сфере гражданского судопроизводства²⁰, имеет право давать со-

гласие на медицинское вмешательство (если может это сделать)²¹, может вступать в трудовые отношения. Опекун, совершающий сделки от имени недееспособного, должен учитывать его мнение. Также в рассматриваемом пункте ст. 12 указано, что меры по реализации правоспособности должны применяться в течение как можно меньшего срока. Данному положению соответствует возможность при восстановлении способностей понимать значение своих действий или руководить ими признание недееспособного лица ограниченно дееспособным или полностью дееспособным, а ограниченно дееспособного лица — полностью дееспособным.

Таким образом, исходя из понимания Конвенции ООН о правах инвалидов как универсального документа, российское законодательство в целом соответствует положениям ее ст. 12.

¹⁸ См. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹⁹ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 44; Холодковская Е. М. Дееспособность психически больных в судебно-психиатрической практике. М., 1967. С. 46; Иванова Л. Я. Гражданская правосубъектность лиц, страдающих психическим расстройством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993. 19 с.; Бартенев Д. Г. Реализация международных стандартов в сфере недееспособности и опеки в странах Восточной Европы // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 62.

²⁰ Согласно ст. 135 и 222 ГПК РФ следует, что суд не уполномочен отказывать недееспособному лицу в принятии заявления или оставлять его без рассмотрения, если в нем содержится просьба о восстановлении дееспособности; ст. 167 и 284 ГПК РФ обязы-

вают суд иметь точные сведения об извещении заинтересованного лица по делу о признании его недееспособным и обеспечивать присутствие в зале судебного заседания, если это не создает опасности для жизни или здоровья; ч. 3 ст. 284 ГПК РФ позволяет недееспособному лицу лично или через выбранных представителей обжаловать решение путем подачи апелляционной жалобы; ч. 2 ст. 286 ГПК РФ не запрещает недееспособному лицу адресовать требование в суд о признании его дееспособным.

²¹ См. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-I «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ст. 11, 12, 23, 28, 41, 44); Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ст. 20, 47, 56, 57).

Библиографический список

- Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary. 7th ed. West Group, 1999.
 James E. Clapp. Random House Webster's Dictionary of the Law. New York, 2000.
 Англо-русский юридический словарь / С. Н. Андрианов, А. С. Берсон, А. С. Никифоров. М., 2005.
 Бартенев Д. Г. Реализация международных стандартов в сфере недееспособности и опеки в странах Восточной Европы // Независимый психиатрический журнал. 2009. № 4.
 Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950.

Иванова Л. Я. Гражданская правосубъектность лиц, страдающих психическим расстройством: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993.

Косарева И. А. К вопросу о недействительных браках // Право и политика. 2010. № 5.

Мамулин А. С., Кашкин С. Англо-русский полный юридический словарь. М., 2005.

Холодковская Е. М. Дееспособность психически больных в судебно-психиатрической практике. М., 1967.

Шепель Т. В., Ткаченко Т. В. Участие граждан, признанных недееспособными вследствие психического расстройства, в брачных правоотношениях // Власть закона. 2016. № 4.

Шодонова М. Э., Лозовская С. В. Реализация избирательного права гражданином, ограниченным в дееспособности // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5.

References

Andrianov S. N., Berson A. S., Nikiforov A. S. Anglo-russkiy yuridicheskiy slovar [English-Russian law dictionary]. Moscow, 2005. 512 p.

Bartenev D. G. Realizatsiya mezhdunarodnykh standartov v sfere nedeеспособности i opeki v stranakh Vostochnoy Yevropy [Implementation of the international standards in the sphere of incapacity and guardianship in countries of Eastern Europe]. *Nezavisimyy psikhiatricheskii zhurnal*, 2009, no. 4, pp. 61—64.

Bratus S. N. Subekty grazhdanskogo prava [Subjects of civil law]. Moscow, 1950. 367 p.

Bryan A. Garner. Black's Law Dictionary. 7th ed. West Group, 1999. 1793 p.

Ivanova L. Ya. Grazhdanskaya pravosubektnost lits, stradayushchikh psikhicheskim rasstroystvom [Civil legal personality of the persons having a mental disorder]. Cand. diss. thesis. Yekaterinburg, 1993. 19 p.

James E. Clapp. Random House Webster's Dictionary of the Law. New York, 2000. 544 p.

Kholodkovskaya Ye. M. Deеспособnost psikhicheski bolnykh v sudebno-psikhiatricheskoy praktike [Capacity mentally sick in forensic-psychiatric practice]. Moscow, 1967. 111 p.

Kosareva I. A. K voprosu o nedeystvitelnykh brakakh [To a question of invalid marriages]. *Pravo i politika*, 2010, no. 5, pp. 934—943.

Mamulin A. S., Kashkin S. Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar [English-Russian Comprehensive Law Dictionar]. Moscow, 2005. 816 p.

Shepel T. V., Tkachenko T. V. Uchastie grazhdan, priznannykh nedeеспособnymi vsledstvie psikhicheskogo rasstroystva, v brachnykh pravootnosheniyakh [Participation of citizens recognized incapable due to mental disorder in marital legal relationship]. *Vlast zakona*, 2016, no. 4, pp. 58—66.

Shodonova M. E., Lozovskaya S. V. Realizatsiya izbiratel'nogo prava grazhdaninom, ogranichenym v deеспособности [Electoral right realization by the citizen limited in capacity]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2015, no. 5, pp. 37—39.